

От автора, или как я понимаю анатомию

Эта книга — результат ликвидации пробелов в знании предмета, который автор преподает свыше пятидесяти лет. Это и результат некоторого переосмысления своего взгляда на устройство тела человека сквозь призму этих лет. Общение со студентами еще раз убедило меня, что они вполне разделяют мое незнание. И не только они...

Не сомневаюсь, что каждый из читателей имеет представление о том, где у него находятся ноги или пупок, кое-кто даже знает о местонахождении селезенки или копчика. Большинству известно о наличии волос и для чего желательно иметь зубы. Несмотря на эти знания, читатель, как и автор, и его студенты, еще очень мало знает о своем теле. Автор допускает иронию, потому что это, по большому счету, самоирония. Кроме того, каждый анатомический факт любой читатель может найти у себя. Только из-за этого стоило написать книгу! Но очень многие анатомические факты до сих пор остаются вне утвержденных учебников анатомии. Думаю, что это уже ненужно. Поэтому отдельные мифологические, сказочные, этнографические, религиозные и эзотерические факты, мнения и представления; смесь суеверий, предрассудков, магии и язычества, которые не надо понимать буквально, я старался связать с устройством тела человека. Часто — даже на уровне ассоциаций.

Представления о строении тела, формировавшиеся на протяжении веков, переполнены образами, символами и аллегориями, поэтому детали анатомии неминуемо затрагивают колоссальный круг проблем. И все это нужно понять, чтобы удовлетворить вполне естественное любопытство к своему и чужому телу, различить кажущееся и реальное. Другими словами, помня выражение польского юмориста Станислава Ежи Леца, я старался плоти придать немного сути. Но и пытался не оставить читателя в состоянии растерянности из-за того, что он многие тонкости и подробности устройства своего тела не всегда знает.

Высшей наградой анатома всегда была возможность первым раскрыть хотя бы одну из тайн мудрой природы, познать реальность, а не славу и богатство. З.Фрейд не ошибался: «Анатомия — это судьба».

САМЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИЗ ВСЕХ СИМВОЛОВ

Дано мне тело — что мне делать с ним?

О.Мандельштам

Я лишь объем, где обитает что-то, чему малы земные имена.
Сооруженье из костей и пота — его угожья, а не плоть моя.

Б.Ахмадулина

Анатомия сама по себе, убежден в этом, интересна весьма многим, а не только анатомам и представителям смежных специальностей. Ведь все без исключения обладают анатомической атрибуцией, телесностью, что явно не остается вне интересов культурного, и даже не очень, человека. Анатомию нельзя принять и числить вне себя, ибо она — не ботаника, не астрономия или геология.

Странная ситуация. Любая географическая или астрономическая карта пестрит именами собственными. Их помнят, уточняют детали открытий, даже празднуют юбилеи. Небо, земли и воды явно более интересуют человека, чем собственное тело. Очевидно, это потому, что оно, хоть и рядом, хоть оно — это ты сам, стандартно предстает таинственным, малопознаваемым. Но моя наука, конечно, не деперсонализирована. Ее служителями были седые профессора и студенты, откровенные насмешники и друзья царей, драматурги и богословы, мистификаторы и буквоеды. Все — обладатели тел.

Моя книга касается анатомии. И так-то медициной всегда занимались лишь посвященные, ибо искусство лечения было не только одной из секретных сторон жречества, но и свидетельством «божественной» избранности. А тут еще эта наука, которая чаще других имеет дело с мертвым телом. Ведь все неживое, обычно таинственное и необычное, всегда вызывает суеверное отношение, пугает. Не потому ли в древнем мире богиня Либитина взяла покойников под свое покровительство? И для соприкасающихся с трупами по роду своей деятельности характерна какая-то исключительность, ощущение того, что уж очень необычна их профессия.

Анатомия — фундаментальная наука, со своими законами и правилами. Она же одновременно и безбрежный комплекс знаний, бесчисленным количеством нитей связанный с естественными, гуманитарными, техническими науками, которые не только созерцают, но и расшифровывают. Поэтому познание строения тела человека

позволяет, при должном желании, увидеть не только красоту мироздания, но и дает возможность познакомиться с перипетиями цивилизации, нередко принимавшими характер коллизий; с существующими и сегодня представлениями о мистическом (эзотерическом) нашего с вами, читатель, устройства. Другое дело, что далеко не всегда можно во всем объеме реконструировать появление тех или иных фактов, временем выведенных за пределы сегодняшних представлений. Анатомия человека продолжает оставаться многозначной, как и сам человек. Да и, кроме профессионалов, мало кто знает имена, волнения и страсти исследователей, открывших и описавших строение, например, предсердий и желудочков, селезенки; догадавшихся о том, как работает поджелудочная железа и пр.

Миф обычно таинствен, но мифология древних народов, если следовать выражению Г.В.Ф.Гегеля, «является педагогикой человеческого рода». Вот, оказывается, что является нашим базисом. Миф — от греч. «mythos» — слово, сказание, система опыта. С мифом начинается знание, неизбежна антропоморфность, в глубине которой архаика, уже потом зооморфность, космические веяния и безавторский, то есть народный, фольклор, сказки, в которых всегда есть намек. Привлекается целая система сближающихся представлений. Совершенно не важно, насколько мифы фантастичны. Они ведь обречены с истиной, достоверностью. Как писала когда-то теософка А.Безант, миф дает сведения о той сути, что отбрасывает тени. Миф всегда приближен к реальной жизни; он реализует потенциал человека.

В книге будет и об эзотерическом. Мною это понимается как сверхъестественное, сокровенное, лежащее за пределами опыта. Глубинное, которое еще нельзя сосредоточить под обложкой учебника, ибо многие факты проверке не подлежат так же, как и не удастся поставить контрольный эксперимент, а тем более осуществить математическое моделирование. Нельзя проверить чужие видения, ощущения, интуицию, оккультные представления, утверждения магов, приверженцев спиритуализма, пифий и астрологов. Это все сюжеты, которые принадлежат иному образу видения. Остается или верить, погружаясь в сложные умозаключения и занимаясь на свой страх и риск поисками других «трансфизических» миров, или не верить, но пытаться истолковывать. Тогда не следует выходить за пределы материального мира, не следует раскрывать полнее возможности индивидуального, то есть сверхразум, о чем большинство и не подозревает. «Чужое» же, — которое, конечно же, свое, — скорее

всего еще не познано, не прошло через призмы обыденных и чисто теоретических представлений. Явно тут эмоции преобладают над информацией.

Любое таинственное, необъяснимое и непонятное неизбежно вызывает волнение, любопытство. А тайна... Без нее ведь нет ничего значительного. Автор этой книги предлагает информацию о пока таинственном телесном, как об ускользнувшем от внимания большинства. Сознаюсь, что на фактах конкретной науки хотелось бы затронуть чувства, которые есть у каждого, а именно, — веру в таинственное, непознанное. Эти тайны проходят по ведомству анатомии и по ведомству искусства, а также религии, философии, навечно обреченных с жизнью.

Я утверждаю, что нет ни одного органа и складывающихся из них систем, которым бы не приписывались самые необычные мистические свойства. Иногда они совпадают с конкретно существующими функциями, а в ряде случаев смысл взгляда, обычая, верования давно утрачен. Да и не следует исключать, что нынешний, так называемый культурный человек, не знает пророческих текстов Корана, Библии, даже сказаний своего народа, его фольклора, не ориентирован в мифологии. А ведь именно в их недрах зародилось много знаний, искусство. Поэтому у современного рационалиста-ученого по духовному уровню и опыту нет сопричастности к ряду фактов; он их «не видит» и «не слышит».

Любой человек, который существует, имеет субстрат — тленное тело. Я бы не позволил себе заострять внимание на такой данности природного существа, если бы определение — «*что такое тело?*» — не имело весьма неоднородных решений. При произнесении этого слова происходит перекрещивание нескольких ассоциативных рядов, культурологических аспектов. Но в данной книге «тело» — краеугольная значимость в той системе представлений, которая сосредоточена в учебнике анатомии. Здесь оно, будучи универсальным понятием, вполне конкретно. Соответствующая дефиниция за пределами анатомического курса — череда мнений, сравнений и даже противопоставлений, окрашенных в свои тона не только наукой и философией, но и искусством, религией, а также, конечно, эмоциями. Трактовка колеблется от — «тюрьмы для души» (орфико*-пифагорейско-платоновская концепция), через — «физическое тело человека — куча разного дерьма» (С. Дали) до — «брат-

* Орфизм — религиозно-мистическое философское течение в Древней Греции

осел» (Франциск Ассизский). Круг рискует замкнуться. Примеры можно умножить и разноречивой их видится в данных сравнительного языкознания. Более того, я убежден, что наши понятия о теле, будучи явно многообразными, все равно останутся половинчатыми. И так будет всегда.

Надеюсь, вы согласны, что существующий термин «тело» — очень емкий, обладает значительной смысловой наполненностью. Его греческий эквивалент — «сома». Когда-то так немецкий ученый А. Вайсман обозначил телесную «смертную часть организма», противопоставляя ее потенциальной «бессмертной зародышевой плазме». В сегодняшней анатомии этот термин повсеместен.

Как анатом, я часто сталкиваюсь с мертвым телом — четким физическим объектом. С телом мы себя отождествляем при жизни. Оно — это «я».

Но, как считают специалисты, которые наблюдали испытавших клиническую смерть, у каждого кроме тела (белково-нуклеиновая форма организации) имеется эфирная субстанция, а также духовная сущность. Еще с III—IV веков существует представление, что в плане трихотомии человек состоит из духа, души и тела. В последнем все названное соединяется.

Все три «тела» реальны, но имеют различную природу. Часто пишут о том, что после смерти человек освобождается от своей физической оболочки, но продолжает жить в своем эфирном теле (как бы бестелесно?), оно же — «духовное тело» (по Р.Муди. Его книга «Жизнь после смерти» вышла в 1975 году и стала за прошедшие годы международным бестселлером). Опрошенные пациенты говорят, обычно: «Я не могу этого описать»; но все приходят к тому, что эфирное тело имеет очертания вытянутой округлости, выступы на поверхности, аналогичные рукам, ногам, голове, имеет концы.

В чем я не сомневаюсь, так это в том, что в теле есть тайна. Лично я не могу обобщающе развить представления о нем. Они неуловимы, хотя чисто анатомически физическое тело вполне реально. Остальные ипостаси его — иногда конкретны или расплывчаты, зачастую — символичны, эмоциональны. В философии, поэзии, скульптуре телом может выступать голова, скальп, рука, один палец (отпечаток), во многих культах — даже глаз, половой член. Так в чем-то одном оказывается воплощенной вся духовность, все целое. И не только весь человек, но и эта его часть выступает связью с внешним миром, телесное предстает философской категорией.

Данные о теле и «населяющих» его органах переходили из одного поколения в другое. Я бы позволил себе говорить в связи с этим

о создававшейся народной анатомии, на первых порах тесно увязанной с алхимией, астрологией, мистикой, хиромантией, френологией и пр. Человек всегда воспринимал себя как часть окружающего мира. К примеру, отдельные буквы греческого и еврейского алфавита были понятиями и обозначали части человеческого тела. Так, у греков: голова — альфа и омега; шея — бета и пси; плечи и руки — гамма и хи; грудь — дельта и фи; грудобрюшная преграда — эпсилон и ипсилон... У евреев: бет — рот человека; далет — грудь; вау — глаз, ухо; реш — голова и т. д. Исходя из пропорций тела, древние сооружали свои храмы, дома, корабли, даже, кажется, ковчег. У ряда первобытных племен тело выступало и как книжка числительных. Так в Британской Новой Гвинее счетный ряд начинался с мизинца левой руки. В доколумбовой Америке даже каждый день года соответствовал определенной части тела и считалось, что воздействовал на нее.

Если исповедующие тантризм говорили о наличии у телесного храма “врат”, понимая под ними отверстия в виде заднепроходного, влагалища, рта, носа и пр., то в других регионах телесное соотносили с частями света, календаря (Древняя Мексика, догоны в Мали, горные таджики, эвенки). Каждый член, каждый орган человеческого тела древние ощущали тесно связанным с активностью звезд, планет. Многие, что нас окружает, глубоко антропологично. В египетской астрологии Солнце сопрягалось со лбом, Луна — с мозгом, Меркурий — с языком и т. д. Солнечную систему вообще приравнивали к человеческому телу, уже выделяя в нем главные центры жизни — мозг, сердце и органы воспроизведения. Изучая человеческое тело (малая Вселенная), можно было получить представление и о Вселенной, ибо человек расценивался ее живым отражением.

Не сомневались и во взаимодействии планет с человеческими судьбами. В пределах же Земли кости приравнивали к скалам, легкие — к приливам и отливам океана, озера — к венам. Человеческое тело при этом выступало в качестве модели каждого из миров, подчинялось парящим в природе универсальным законам. Сам человек — микрокосм — представал уменьшенной, неотделимой частичкой огромного космического пространства, связанной со всеми стихиями и силами, верхом и низом. В такой обширной анатомической соотнесенности виделась гармония, противопоставленная хаосу.

Знак зодиака Телец связывали с нижней челюстью, ключицей, горлом (глоткой), пищеводом; Овен — с головой; Рак — с руками,

но также с грудной клеткой и желудком; Лев - с сердцем, легкими и печенью; Дева — с желудком, внутренностями, мышцами; Весы — с позвоночником, костным мозгом, почками; Стрелец — с бедрами; Козерог — с селезенкой и коленями; Водолей — с ногами; Рыбы — со ступнями. Части человеческого тела представляли “мерой вещей”. Египтяне еще более детализировали, соответственно своему делению Зодиака, тело человека на 36 частей.

В каббалистике части тела соотносили и с сфиротами (сефирами). Их различали десять, как основные ипостаси Бога, его качества, видимость, “счисления”, как универсальные принципы строения мира. И изображали их в виде связывающего сущности Древа: Монада, три троицы мужского и женского начал и объединяющие их способности, что в сумме давало возможность представления в виде человеческой фигуры. Поэтому Венец, Мудрость, Понимание, Милосердие, Справедливость, Красота, Стойкость, Величие, Победа и Царство — этакие единые “каналы”, по которым струится божественный свет; последовательные проявления неопределенного бесконечного. Поток эманации фигурой якобы напоминает Адама.

Еще на заре существования человек придавал ряду предметов человеческие формы, соответствующие нашим внешним очертаниям. Вот уж где выявлялся большой разброс воплощений. Старались найти камни или кости, напоминавшие какие-либо части тела или органы. Зачастую живые существа заменялись их изображением, а уж им делались приношения. У айнов и других народов Приамурья для этой цели использовали заместительные палочки — *инау*; у австралийцев — *чуринга*; у эвенков — *мухди*; у японцев — *ханива*. Аналогично — у обских угров.

Человек издавна тесно связан с растениями, деревьями. Ведь они всегда служили источником жизни, тепла, даже внешне иногда напоминали тело человека. Вот пример телесной антропоморфности, связанный с мандрагорой. Корень этого растения, родственного более известному нам баклажану, одним весьма напоминал нижнюю часть человеческого тела, а конкретнее - ноги и мужские половые органы, другим - гнома. Пифагор именовал мандрагору “человекоподобным растением” (соответствующее нем. *Mandragen*), другие — даже “получеловеком”. Но растение это, оказывается, не только растет под виселицей, обладает способностью предсказывать будущее, но и нейтрализует козни недоброжелателей. Не удивительно, что мандрагору обнаружили в гробнице Тутанхамона. Молдаване, румыны, болгары делали антропоморфные изображения из глины;

русские, белорусы, украинцы, поляки, словаки, чехи — из соломы или дерева. Часто и якуты, ханты, кеты, лопари после кончины человека творили его заместителя в виде куклы. Не сомневались, что они могут служить охранниками благополучия семьи, «передатчиком» могущества и силы, которыми обладали герои прошлых лет.

В Древнем Египте для окончательного уничтожения врагов делались их подобия из воска, а затем эти статуэтки сжигались. Или же на специальной фигурке писали имя намечаемой жертвы. Еще действенное, когда в воске оказывались волосы и ногти ненавистного человека. Тогда куколку сжигали на медленном огне и приговаривали: «Я жгу не воск, а печень, сердце и селезенку». Враг после этого обязан был умереть. Можно было выколоть у изображения глаз, после чего стоило ожидать слепоту ненавистного человека, пронзить спицей живот, грудь... В Монголии лепились фигурки из теста, но не простого, а с добавлением трупного человеческого мяса. Зато для фигурок царей использовали серебро. Они должны были магически забрать от больного правителя болезни и вместо него уйти на тот свет.

В древнем Китае изготавливали специальных идолов из металла, а также из камня или глины. Внутри них мастер помещал сделанные из серебра такие «жизненные органы», как легкие, сердце, печень, пищевод. А уж затем через маленькое отверстие в спине статуи туда запускали живое существо — муху, комара, птичку, ящерицу. Отверстие потом заделывали, дабы душа не убежала. В Тропической Африке в специальное углубление на голове или животе статуэтки закладывали порошок из пережженных костей умершего. Такие изображения «жили» в домах, а вот в могилу, вместо когда-то специально забиваемых при смерти хозяина его слуг, в далеких от нас по времени Японии и Китае IV—VI веков помещали *ханива* — символические фигурки из глины. Дабы показать, что они условны, конечностям их придавали подчеркнuto необычные пропорции.

С древности сохранились также и слепки больных органов, изготовленные из золота, серебра, мрамора. Эти приношения вывешивались на стенах храмов в знак благодарности за состоявшееся исцеление и в ожидании его. Эти *anatemata* получили название *вотивы* (*ex voto* — по обету). Мифическим эффектом ожидался в связи с обращением к таинственным силам, при одновременном применении мытья, сжигания похожих на больной орган предметов. Так, в одном из зороастрийских текстов предписывалось изготовить всем, кто молится о возвращении зрения, «глаз из золота».

Муляж больного органа мусульмане иногда вешали на ветки и шествовали с ними, как и с самими увеличенными изображениями частей тела. Поэтому фигурировали «руки», набитые опилками, «головы» на пиках. Подобные шествия до последнего времени в Индокитае носили и обрядовый характер. На ветках дерева размещали изображения половых органов — поровну 18 мужских и 18 женских. Затем около главного ручья деревни шест укреплялся, после чего женщины его трясли и ловили скульптурки высоко поднятым подолом. Поймавшая такой фаллос могла ожидать в ближайшее время рождения сына.

Не могу при этом удержаться, чтобы кратко не рассказать о Филиппе Теофрасте Бомбасте фон Гогенгейме, более известном под именем Парацельс. Его деятельность пришлась на XVI век, а дружба с чародеями, магами, алхимиками, да и собственное весьма буйное мышление и поведение привели к проповеди идеи гомеопатической магии. Короче, Парацельс утверждал, что в форме того или иного растения можно обнаружить сходство с той частью тела человека, которое это растение способно вылечить. Отсюда, благодаря системе сложных соответствий, пошли установки, что растения с желтым соком полезны от желтухи, нитевидные листья помогают при облысении, подземные части растения зубянки снимают зубную боль... Головную боль надлежало лечить отваром грецких орехов, ибо они своим видом напоминают борозды и извилины головного мозга; болезнь, именуемую «волос», лечили конскими волосами. Да еще составляющие лекарства оснащались кровью, мокротой, волосами, ногтями, выделениями (слюна, испражнения) больного. Стало быть, часть выступала заместителем целого.

Ведь каждый орган объявлялся имеющим душу, относительно независимую от общей души всего тела. Большая роль в излечении придавалась амулетам, формой анатомически напоминающим орган. В этом плане в особенности «повезло» сердцу и наружным женским половым органам, напоминающим раковины *каури*. Такие амулеты «кормили», за ними ухаживали.

Similia similibus — мимическое подобное лечится подобным. Издревле ведь при половом бессилии рекомендовали в пищу яички ослов, петухов, баранов, козлов. Не будем поэтому особенно удивляться, что, согласно имитативной магии казахов, около новорожденного следует развесить очищенные и нанизанные на прямую палку позвонки барана. Якобы это способствовало закреплению шейных позвонков младенца. Считалось, что больной

зуб надо потереть зубом покойника: у него ведь зубы уже не болят. Бесплодные маорийские женщины носили на шее сделанные из нефрита или кости украшения, напоминавшие своим видом эмбрион. Примеры можно умножить.

Упомяну, что хоть какой-то анатомической информированности способствовали и весьма обиходные заговоры (от «заговаривать»), включающие детальное перечисление частей тела. Ведь упомянуть-то надо было все, где могла находиться Нечисть или части, достойные съедения. Еще какие-нибудь двести лет назад гастрономические маньяки острова Тонга (из группы Самоа) со вкусом перечисляли: «Выкопай отца при лунном свете и сделай суп из его костей; изжарь его кожу, сделай из нее печень; положи его череп; сожри свою мать; выкопай свою тетку и разрежь ее на куски; кормись землей своей могилы; сжуй сердце своего дедушки; проглоти глаза своего дяди... съешь хрящевые кости своих детей; высоси мозги своей бабушки, оденься в кожу своего отца и завяжи ее кишками своей матери».

Интерес к собственному телесному велик еще и потому, что представления о составляющих человека имеют корни в памяти всех народов. Когда-то начали и веками продолжали подробно обозначать те или иные анатомические детали, нередко даже с помощью таинственной специальной терминологии, напоминающей язык средневековых алхимиков. В духе тех времен анатомические термины были на латыни. Простонародье ее не знало, поэтому непонятно обменивающиеся чем-то своим анатомы представляли загадочными, владеющими тайнами, а их научный язык позволял отделить понимающих смысл от чужих.

Но многое приходило в анатомию и из бытовой лексики, следовательно, из общечеловеческого. Так, для частей внутренних органов в древней Месопотамии применяли такие обозначения, которые не следовало понимать буквально: как «дверь дворца», «путь», «ярмо», «набережная». Аналогично, по ведическим представлениям, у тела, как у города, имеются врата: два глаза, две ноздри, два уха, а также рот, задний проход и половые органы. Во времена французского Ренессанса у Франсуа Рабле, автора, которого я еще буду неоднократно цитировать, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» видим примеры тесного переплетения реализма с натурализмом вкупе с игрой незаурядного воображения:

Небо что муфельная печь.

Гортань как корзина из-под винограда.

Желудок что перевязь.

Диафрагма что мужская шапка на манер петушьего гребня.
Печень что секира о двух лезвиях.
Селезенка что дудка для приманки перепелов.
Брыжейка что мирра аббата.
Почки что лопатки штукатуров.
Мочевой пузырь что арбалет.
Ступни как гитары.
Пятки как дубины.
Ягодицы что бороны.
Ребра что прялки.

Объективности ради надо заметить, что в вышеприведенном сопоставлении Рабле не оригинален. В недавно переведенном на русский памятнике средневековой культуры «Чжуд-ши», являющемся классическим источником тибетской медицины, можно прочесть:

Желудок — посуда для варки еды.
Кишки тонкая и толстая — служанки цариц.
Желчный пузырь — мешочек с приправами.
Мочевой пузырь — сосуд с запасом воды*.

Постепенно значения названий в пределах разных культурно-исторических контекстов, вбирая и переосмысливая взгляды предшественников, оказались «привязанными» к тем или иным конкретным органам, их частям, обрастали содержательной и многоговорящей символикой. Это стало важным аспектом истории мировой культуры, ибо оказалось связанным с разными сторонами человеческого бытия. А затем уже появился код конкретной науки, который, с одной стороны, для непосвященных в ряде случаев стал выступать каким-то паролем, а с другой — отсеивал профанов.

Однако в *любом* языке существуют обозначения отдельных частей тела.

На протяжении всей истории в общем-то анатомически стандартного человека всегда что-то в себе не удовлетворяло. Каждый, и весьма по-своему, решал это уравнение, насыщенное многими неизвестными. Так как в собственные полости тела — черепную, грудную, брюшную, таза — забраться трудно, да и опасно, то страсть к «переделке» оказалась направленной больше на внешнее. Человек властвует над собственной природой и таким образом.

* Чжуд-ши. Памятник средневековой тибетской культуры. — Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1988, — 348 с.

Уже первобытные люди — и мужчины, и женщины, пытались соответствовать цвету тотема-зверя, подводили глаза, красились, татуировались. И так на протяжении тысячелетий, пока не придумали всевозможные элементы, информирующие окружающих об общественном статусе: ордена и эполеты, кивера и аксельбанты. Даже древнеегипетская Нефертити красила брови и густо подмазывала веки. Уже значительно позднее во Франции были модны искусственные брови из шкурок мышей... Мог бы привести примеры украшения практически любой видимой человеческой части тела. Здесь же я сделаю лишь краткий перечень таких «усовершенствований» различных времен и народов, на которых более подробно остановлюсь в следующих главах:

- деформация черепа (в древности на Балеарских островах, в устье Дона, в Закавказье, Южной Америке и пр.); просверливание в нем отверстий;
- окраска век;
- удаление ресниц, бровей, вообще волос; макияж, накладные ресницы;
- манипуляции с волосами (прически, бороды, бакенбарды, усы, косы, их окраска, парики, использование гребней, заколок и пр.);
- манипуляции с ногтями;
- прокалывание ушей, их вытягивание, удлинение ушной раковины до такой степени, что они касались плеч (на Фиджи, острове Пасхи и пр.); серьги;
- продырявливание носовых хрящей, деформации носа, полное удаление носа;
- прокалывание и растягивание губ (ранее в Бразилии), бровей, сосков, языка, клитора, разрезание губ, их окраска;
- окраска зубов, их татуировка; надевание на здоровые зубы коронок, обтачивание, дабы придать причудливую форму; вставление в зубы брильянтов; удаление зубов;
- вырывание язычка мягкого нёба (Эфиопия);
- нанесение шрамов на лицо, спину, конечности;
- пластические операции на лице не по медицинским показаниям (к примеру, изменение разреза глаз);

- удаление без медицинских надобностей миндалин, аппендикса, прямой кишки;
- растягивание шеи, вернее — опущение грудной клетки;
- сдавливание грудной клетки ношением корсета;
- татуировка кожи, языка, полового члена, клитора, срамных губ;
- ритуальное лишение девственной плевы, удаление половых губ, клитора, мошонки, полового члена;
- сдавливание молочных желез; увеличение их размеров; отрезание груди, ее выжигание;
- отрезание одного-двух последних суставов на мизинце левой руки (практиковавшееся в Австралии и других регионах);
- деформация ступней («козы ножки» китайок в IX—X веках), удаление на ногах мизинцев.

Здесь явно приведен далеко не полный список, преимущественно касающийся физических воздействий. Но ведь существовало убеждение, что форму тела могут изменить и животные духи. К примеру, около 1741 года известный педагог Н.Эндрю писал о возможности последних изнутри воздействовать на тело: могут выдавиться телесные вмятины до необходимых выпуклостей.

Может быть, мы, провозгласившие себя венцом природы, действительно настолько «недоделанные», что нам требуется обязательное телесное вмешательство? Убежден, что нет! Человек появляется на свет для добра. При этом его тело чудесно соответствует окружающей природе, оно целесообразно. Нам не нужны хвост, ядовитые зубы, хобот, плавники... В человеке это было бы нелепостью, извращением великой мудрости.

Сотворить материальное тело явно оказывается легче, чем понять его. Знаниям устройства тела до некоторой степени способствовало бальзамирование. Издавна телу стремились не чинить обиду, всевозможными средствами пытались предохранить от гниения (Мк. 14: 8). Путешествовавший в XVII веке неаполитанский купец Пьеро дела Балле приказал забальзамировать тело умершей жены, и затем в течение четырех лет гроб сопровождал его по свету, пока тело не обрело окончательное успокоение в фамильном склепе в Неаполе. Тело Александра Македонского, умершего во время похода, долго содержали в пчелином меде, чтобы привезти в Вавилон; труп адмирала Нельсона перевозили в бочке с коньяком; в средние века неаполитанский король Ферранте тела некоторых своих врагов засаливал; в

ту же эпоху бальзамировали английских королей (Эдуарда II, Генриха VIII), а несколько позже — в России (Николая I).

Бальзамирование, технические детали которого были описаны еще Геродотом, явно приравнялось к переходу одной формы бытия в другую; телесность выступала знаком богоприсутствия. Умерший перемещался жить в гробницу, сохраняя индивидуальность. Он там «ел», «пил», «радовался», «пользовался оружием, одеждой». Устойчивая, как оказалось, другая реальность, общая для всех. Метод, сохранявший «вечным» тело, практиковали не только египтяне, о чем всем известно, но и вьетнамцы, чилийцы, перуанцы, инки, скифы, австралийцы. Весьма многим, как видите, необходимо было такое обиталище для души.

Знаменитый анатом И.Гиртль писал в XIX веке, что слово «мумия» происходит от персидского *mumijf*, что означает воск, которым, по словам Геродота, покрывали трупы перед их погребением. «Изобрел» метод, кажется, древнеегипетский бог Анубис. Он ведь близок к шакалу, который является пожирателем трупов. Метод оказался интересным не только историкам. В XX веке бальзамировали тела В.И.Ленина, Г.Димитрова, И.В.Сталина, Сухэ-Батора, Чойболсана, Хо Ши Мина, К. Отвальда, А.Нето и др.

Охота на животных поставляла пропитание и некоторую анатомическую информацию. Опытные охотники делились сведениями о наиболее уязвимых местах добычи. Об уровне знаний в начальный для медицины период можно судить хотя бы по поэмам Гомера. Подсчитано, что в текстах древнего грека встречается около полутора сотен анатомических терминов.

Лица, бравшие на себя роль целителей, вынуждены были часто упражняться в кровопусканиях, накладывании повязок и швов на раны, они же извлекали из тела инородные предметы и производили ритуальные действия; позже — размышляли о возможностях и красоте движения тела во время спортивных состязаний. Рассматривали раны гладиаторов, наиболее пытливые исследовали анатомию обезьян. Так накапливался опыт постижения строения тела. Информация о нем появлялась и благодаря человеческим жертвоприношениям, ритуальным убийствам не только животных, но и окружающих жрецов людей — этим, как считали в средневековом Китае, поставлением богам «кровавой пищи». То наиболее красивую девушку убивали ради бога Моря или бога Горы, то первенца еще ради кого-либо.

В свое время И.Гете был, конечно, прав в том, что анатому для познания объекта необходимо разъять его. Разделить на части. Но ведь при таком способе постижения сущего жизни-то в них не остается.

В священных книгах Древней Индии Ведах боги, владея понятиями расчлененности и множественности, но одновременно множественности и цельности, рассекли тело космического Первочеловека Пуруши, принеся его в жертву. Зато из разума получили месяц, из глаза — солнце, изо рта — огонь, из пупа — воздух, а из ног — землю. Аналогично в древнекитайской мифологии части тела первопредка Паньгу преобразились перед смертью в дороги, золото, солнце, луну и пр. Египетский бог Осирис был убит, а затем расчленен его братом Сетом. Вдова погибшего Исида сумела останки собрать, и правитель был возвращен к жизни своим сыном Гором. Разрубленный богатырь, обрызганный «мертвой», а потом и «живой» водой, начинал дышать. Из его внутренностей извлекали при этом змей и ненужную воду. Лишь после смерти, оказывается, возможно возрождение. Производимые действия выступали императивом. Для обновления необходима была жертва, но отсюда и неистребимость.

То, что в теле много слагаемых, знали очень давно. Задолго до возникновения анатомии метод рассечения многократно использовался в мифологических представлениях, и даже практике разных этносов.

Разделение неминуемо вело к выделению каких-то частных, вещественности, а концепция смерти представала иногда обрученной с идеей возрождения. Рубили больных и странники, божественные врачи-чудотворцы. Промывали затем пораженные участки в воде, складывали один к одному в нормальном (читай: естественном) порядке. Куски срастались, разрушенное восстанавливалось, жизнь возвращалась. Вспомню и об индуистской богине смерти и разрушения Кали, ритуально разрубавшей трупы жертв.

Еще Платон выделял три основных части: голову, грудь и живот. Потом в даосской йоге верхний уровень включал голову и руки, средний — грудь и спину, а нижний — живот. Адепты этого древнекитайского философского учения выделяли также из 12 органов, называемых ими жизненно важными, шесть в качестве «цехов» усвоения, выработки и направления энергии. Это — желудок, тонкая и толстая кишка, желчный и мочевой пузыри и еще условный орган, известный как «тройной обогреватель». Другие шесть органов рассматриваются в качестве «вместилищ» и реализации энергии: сердце, легкие, печень, селезенка, почки и так называемый «перикард», он же «управитель сердца». Добавочными считались органы с постоянной функцией — головной, спинной и костный мозг, кости, мышцы, матка и диафрагма. Понятия о «важных» и «добавочных» дополнились мнением об «опасных», травма которых может привести к

потере жизни, и не столь страшных для заболевшего. Тибетские врачи первых насчитывают и сегодня 302 (на голове 32, шее — 33, туловище — 95, конечностях — 112 («Атлас тибетской медицины»). Большое внимание уделялось и телесным отверстиям как путям вхождения и удаления зловредного. Расценивали состояние по тому, как трепещет рука, нога, глаз, ухо, бровь и т. д.

В Библии содержится мысль, что мечом рассекают тело, как словом душу. «Завет» (Завет Бога с Адамом; Ос. 6: 7) — это договор. Но, как указывает Д.В.Щедровицкий (1994), по-древнееврейски «завет» — «берит», происходит от глагола «бара», что означает «резать». Связано это с тем, что в древности завет сопровождался рассечением жертвенного животного (Быт. 15: 17).

Метод рассечения, отражающий извечную человеческую страсть к разрушению, оказался и в реальной жизни весьма используем. Практиковались всевозможные членовредительские акции как нарушение телесной неприкосновенности. У многих первобытных народов принято было разрезать на куски живых врагов и преступников; рубить на части должников; отрывать руки, ноги, носы, уши. В Библии можно найти ссылки на рубление, рассечение (Дан. 2:5; Иез. 16: 40; Лук. 12: 46; Мф. 24: 51), перепиливание (Евр. 11: 37). Понятия добра и зла у древних не всегда совпадают с сегодняшним пониманием. Это был ужас, но без надрыва. Производимое не только калечило и убивало, но и представляло крайне позорным, унижающим человеческое достоинство.

Чаще вскрытия производили не для выяснения характера болезни, а для того, чтобы узнать, «кто съел душу покойника, или же это он сам ее съел». Разрезание, перебирание внутренностей было обязательным актом посвящения шамана (для получения им «дара»). И так делалось, если использовать сказочный зачин, «много лет назад». Такое действие обросло легендами. Медицину, как часть человеческой мысли и истории, лишиться этого нельзя, ибо это будет неверно и нечестно. Хотя и сегодня индийские целители обращаются именно к каждому человеческому органу на уровне их представлений, видя в нем самостоятельное существо.

Медицина так же стара, как и человечество. Еще в III веке до нашей эры врачи так называемой александрийской школы, пожалуй, впервые начали вскрывать тела умерших, и даже приговоренных к смертной казни преступников (легче, конечно, это было осуществить с трупами рабов, неизвестных, иностранцев, умерших на улице, подкидышей).

Но затем им это было запрещено. Потом повезло Герофилу, родившемуся, скорее всего, в 330 году до нашей эры: по милостивому разрешению Птолемея I (основателя династии) этому древнегреческому врачу и философу были выданы для исследований трупы казненных преступников. Всего же он вскрыл якобы до 600 человек. Но хотя делалось это отнюдь не ради праздного любопытства, за ним закрепилось весьма обидное прозвище «Герофил-мясник». Не могу с этим согласиться. Убийство для пищи — это жестокость, что почти всеми официально признано. Нормального человека вскрытие трупов не должно подвигнуть на дурное. Второе: вскрытие медицинским работником трупа совершается открыто, во всяком случае, в наше время. Про Герофила же тогда писали, что ненавидел он людей и стремился лишь приобрести знания. Так или иначе, но он сумел описать строение глаза, выяснил взаимодействие отдельных органов друг с другом, доказал связь так называемых периферических органов с головным и спинным мозгом. Также он определил, а вернее, догадался, что центром системы, заведующей умственной деятельностью, является мозг. Другое дело, что анатомирующий вырос из фигуры одновременно и романтическую, и зловещую. На знаниях такого рода явно базировалась хирургия.

А теперь в далеко неполном изложении истории подходов к познанию тела настала очередь Галена, римского врача, обобщившего на уровне II века всю литературу по строению тела человека. Он и трупы сам вскрывал, правда, весьма редко. Даже посмотреть на скелет и то было, как объявлял Гален, «счастьем». Но именно Гален утверждал, что наше телесное устройство — самое совершенное из всех мыслимых. Лучше чего-либо придумать было нельзя.

Научная посылка явно была благой — узнать «пользу» частей, органов. Гален уже понял, что мозг нужен как источник нервных влияний, а не для охлаждения крови; что кровь заполняет артерии, в чем ей долгое время отказывали. Но и сам многое весьма напутал, а вернее, домыслил. И все-таки сейчас о нем зачастую судят несправедливо, вспоминая: он провозгласил то, что на самом деле оказалось не так. Многие из его описаний телесного оказались правильными, ряд предложенных наименований сохранился и используется и в наше время.

Древние китайцы весьма заботились, чтобы тело умершего оказалось погребенным в целости. Это ведь имело большое значение для посмертного существования души покойника, для спокойствия его потомков. Приговоренные к смерти были весьма озабочены этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru